

T. A. KOZYREV

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ САЯНО-АЛТАЯ С ЯЗЫКАМИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ)

Лексика – наиболее подвижный ярус языковой системы, дающий материал для исследований исторических взаимосвязей между языками. История тюркских языков Саяно-Алтая является перспективной темой исследования, проливающей свет также на историю языков Центральной Азии, в т.ч. на историю казахского языка и этногенез казахского народа.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) эмотивных глаголов (ЭГ), т.е. глаголов с семантикой эмоционального состояния, интересна тем, что эмотивные глаголы обозначают одну из важнейших сторон внутреннего мира, душевной деятельности человека – его эмоции. Кроме того, это одна из тех ЛСГ, формирование которых продолжалось дольше, чем формирование большинства других ЛСГ, в т.ч. в хронологически близкие нам периоды истории.

В статье будут рассмотрены особенности состава ЛСГ ЭГ в трех основных тюркских языках Саяно-Алтая – алтайском, тувинском и хакаском. Нами был выявлен целый ряд лексем, не встречающихся в языках за пределами Сибири, но при этом представленных в четко очерченной группе письменных памятников прошлого. Эти лексемы подробно исследуются в настоящей статье.

Материалом для работы послужили данные древних и средневековых письменных памятников¹ [1; 12], современных словарей, а также полевые материалы, полученные нами в результате работы с информантами – студентами (алтайцами, тувинцами и хакасами) кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского го-

сударственного университета, а также аспирантами Сектора языков народов Сибири Сибирского отделения Российской Академии наук (СО РАН).

Указанную выше группу лексем составляют глаголы: *ugir*=, *kevirge*=, *kuy*=, *bъt*=, *kaвзъ*=, *biюrkan*=, *kertgъn*=, *кцегър*=, *adukla*=. (Здесь и далее мы даем глаголы в транскрипции Дж. Клосона [12], на этом же источнике основаны все приводимые ниже данные по древним и средневековым письменным памятникам; при разделении памятников на группы мы также придерживаемся классификации Дж. Клосона. Даные по живым тюркским языкам взяты нами из тюркско-русских и толковых словарей (см. список литературы) с использованием соответствующей орфографии.) Из перечисленных лексем последние четыре сохраняются только в одном из исследуемых языков (*biюrkan*= – только в тувинском [8], *kertgъn*= и *кцегър*= – только в хакасском [10], *adukla*= – только в алтайском [5]). Перечисленные выше лексемы (за исключением глаголов *bъt*= и *kertgъn*=) зафиксированы только в орхонских, уйгурских и караханидских памятниках. Все лексемы этой группы отсутствуют в команских и кыпчакских памятниках, все кроме *kertgъn*= – в османских. Глагол *bъt*= встречается в наиболее широком круге памятников (см. ниже).

Глагол *ugir*=.

Эта лексема имеет ограниченный ареал распространения. Из живых языков она присутствует

¹ Говоря о письменных памятниках прошлого, мы отдаляем себе отчет в том, что эти памятники, ввиду их ограниченного количества и объема, не могут отражать всего лексического фонда тюркских языков соответствующих эпох и регионов. Иначе говоря, по данным письменных памятников мы можем однозначно судить лишь о фактах **наличия** тех или иных лексем в соответствующих языках прошлого, но не об их отсутствии. Тем не менее, факт наличия определенной лексемы в целом ряде памятников определенной группы при отсутствии ее во всех памятниках других групп все же дает некоторые основания для суждений о предположительном ареале распространения данной лексемы, а также о характере исторических связей между современными тюркскими языками и языками, отраженными в тех или иных группах письменных памятников прошлого (смешанный характер которых мы также не сбрасываем со счетов).

в различных фонетических модификациях только в языках сибирского региона – тувинском, хакасском и якутском [7; 11], а из письменных памятников – только в орхонских и уйгурских [12, 114].

Впервые этот глагол был зафиксирован в орхонских памятниках как самостоятельно, так и в составе парного сочетания **цgir= sebin=**.

Кроме того, данная лексема встречается в уйгурских текстах – в формах **цgir=, цgъn=** и в составе сочетания **цgir= sevin=**.

Значение ее во всех перечисленных выше памятниках одно и то же – ‘быть радостным, веселиться’ (сочетание **цgir= sevin=** переводится как ‘веселиться и радоваться’). В памятниках остальных групп эта лексема не встречается.

Как уже было сказано выше, из современных языков соответствия лексемы **цgir=** существуют в тувинском, хакасском и якутском, а именно:

- в тувинском – **өөрү**= ‘радоваться (внутренне и глубоко)’²,
- в хакасском – **црін**= ‘радоваться’³,
- в якутском – **ყөр**= ‘радоваться’.

В живых языках за пределами сибирского ареала (а из сибирских языков – в алтайском) этот глагол не встречается. Семантика радости в этих языках передается в первую очередь лексемами **sevin=** и **къven=** в различных фонетических вариантах.

Глагол kevirge=.

Эта лексема в различных фонетических модификациях и значениях существует только в языках саяно-алтайского ареала.

Из письменных памятников только в “Suvar-naprabhasa” (уйгурский памятник буддийского содержания) зафиксировано отлагольное прилагательное **kevirgenzik** в значении ‘жалобный’ [1, 304], существование которого дает нам основание с высокой вероятностью предполагать существование в древне-уйгурском языке глагола **kevirge=** в значении ‘жалеть’. (Словообразовательный суффикс **-пзіk**, с помощью которого образовано это прилагательное, существует также в современном тувинском языке в форме **-(ы)ңчыг/- (и)ңчиғ/- (у)ңчуг/- (γ)ңчүг**, и служит для образо-

вания прилагательных от эмотивных глаголов, например: **корг-унчуг** ‘страшный’, **өөрү-нчүг** ‘радостный’, и т.п.) Там же зафиксировано устойчивое словосочетание **kevirgenzik kэләп**= в значении ‘предаваться скорби’.

В исследуемых в данной работе языках присутствуют лексемы:

- в алтайском – **керке**= ‘важничать; восторгаться’,
- в тувинском – **кээрge**= ‘жалеть кого-л.’,
- в хакасском – **кирке**= ‘расстраиваться; огорчаться’, а также **кеерке**= ‘восторгаться, восхищаться’ (эти глаголы зафиксированы в Хакасско-русском словаре, но наши информанты их не опознали).

Из перечисленных лексем только тувинский глагол **кээрge**= и хакасский **кирке**= обнаруживают семантическую близость к древне-уйгурской лексеме **kevirge**= и, очевидно, имеют единое с ней (или от нее) происхождение.

Что касается алтайского глагола **керке**= и хакасского **кеерке**=, остается открытым вопрос, имеем мы дело с семантической эволюцией одной и той же лексемы, или же просто с фонетически схожими глаголами иного происхождения.

Глагол kuy=.

Этот глагол зафиксирован у Махмуда Кашгарского в значении ‘пугаться; бросаться в сторону (о животном)’ [12, 674].

В этом же значении соответствия данной лексемы существуют в трех живых тюркских языках: в тувинском – глагол **хой**=, в хакасском – **хүй**=, в якутском – **куй**=. В живых языках за пределами сибирского ареала (а из сибирских языков – в алтайском) этот глагол не встречается.

Его значение в остальных тюркских языках (в частности, в алтайском и казахском) передается лексемой **ьrk**=.

Глагол bъt=.

В настоящее время эта лексема имеет очень узкий ареал – она присутствует только в языках Саяно-Алтая (кроме тувинского).

Глагол **bъt**= в значении ‘верить’ впервые встречается в “Кутадгу билиг”. Он зафиксирован

² Значение ‘радоваться с внешними проявлениями, веселиться’ в тувинском языке передается глаголом **амыра**=.

³ В хакасском языке этот глагол является единственным в СПГ глаголов радости и передает семантику радости в самом широком смысле, допуская самые разнообразные оттенки значения в зависимости от контекста.

также у Махмуда Кашгарского в значениях ‘уверовать (в Бога)’ и ‘верить (словам)’, в хорезмийских памятниках “Хусрау и Ширин” и “Нахджул-фарадис” в значении ‘верить (в кого-л.)’, а также в чагатайско-персидском словаре “Sanglax” в значении ‘верить; надеяться на кого-что-л.’. В памятниках западного и юго-западного ареалов (команских, кыпчакских и османских) эта лексема не встречается [12, 299].

Сравнительный словарь В.В. Радлова [6] фиксирует лексему **пядян**= (очевидно, форма возвратного залога от **быт**=) с пометой [Tel. Alt. Schor. Sag. Koib.] в значении ‘верить, уверяться, иметь доверие’. В алтайском языке существует глагол **бят**= ‘верить’. Информанты хакасы (сагайцы) не признали существование в своем языке такой лексемы. В Хакасско-русском словаре она также не зафиксирована. Очевидно, в хакасском языке этот глагол относится к архаичному либо диалектному пласту лексики. В казахском и тувинском языках такая лексема не обнаружена.

Глагол **каузъ**=.

У Махмуда Кашгарского приводится глагол **каузъ**= ‘нападать; раздражаться, предаваться гневу’ [12, 581].

Рефлексы этого глагола существуют в алтайском и хакасском языках, а также – за пределами Сибири – в узбекском.

В Ойротско-русском словаре зафиксирован глагол **капчык**= ‘придиরаться; сердиться; враждовать’ [5], но наши информанты не опознали эту лексему.

В хакасском языке существует фонетически схожий глагол **хапчы**= в значении ‘нарывать’.

В узбекском языке существует глагол **қапчи**= (в Узбекско-русском словаре дается с пометой *обл.*) в значении ‘1. бросаться, кидаться, шарахаться; 2. набрасываться (на кого-что-л.); 3. прыгать, подпрыгивать, подскакивать; вскакивать; соскакивать; отскакивать’ [9]. Между алтайским глаголом **капчык**= и вторым ЛСВ узбекского глагола **қапчи**= можно признать определенную близость семантики. Что касается хакасской лексемы, семантическая связь здесь не столь очевидна, хотя и не исключена. Для сравнения можно привести данные якутского языка, где лексема **kabar**= имеет основное значение ‘набухать’ и переносное ‘гневаться’ [13, 233].

Глагол **biçurkan**=.

Эта лексема была обнаружена нами только в тувинском языке.

Из письменных памятников она встречается в “Suvarnaprabhasa” (уйгур.) в составе сочетания **biçap**= **biçurkan**= в значении ‘тревожиться, беспокоиться’ [1, 128].

В современном тувинском существует лексема **бужурган**= ‘раздражаться, нервничать, беспокоиться (от надоедливого звука и пр.); злиться’.

Глагол **kertgyn**=.

Эта лексема отмечена только в хакасском языке, но в письменных памятниках глагол **kertgyn**= представлен достаточно широко.

Он зафиксирован в орхонских памятниках манихейского содержания в форме **kertkyн**=, в уйгурских памятниках буддийского содержания и у Махмуда Кашгарского – **kertgyn**=, в караханидских и хорезмийских памятниках в форме **kertun**=. Во всех перечисленных памятниках эта лексема употреблена в одном и том же значении – ‘верить’. Наконец, данная лексема встречается в ранних османских памятниках (XIV и XV вв.) в форме **kertin**= в значениях ‘верить’ и ‘надеяться’ [12, 739–740]. Как можно видеть, во всех письменных памятниках эта лексема стабильно сохраняет как свою фонетическую форму, так и семантику.

В современном хакасском языке существует глагол **киртін**= в значении ‘верить’. Значение ‘надеяться’ передается в хакасском языке глаголом **ізен**=.

Глагол **күлер**=.

Данная лексема отмечена только в хакасском языке – это глагол **күлер**= в значении ‘пугаться (о лошади)’. Этот глагол зафиксирован в Хакасско-русском словаре и в словаре Радлова, но наши информанты его не опознали.

У Махмуда Кашгарского зафиксирован фонетически схожий глагол **күлер**= ‘наполняться’, производный от существительного **күл** ‘озеро’ [12, 715], а также омонимичный ему (возможно, произведенный путем метафорического переноса) глагол **күлер**= ‘распухать’ [12, 720].

Отсутствие чего-либо общего в семантике современной хакасской лексемы со значением глаголов, зафиксированных у Махмуда Кашгарского, заставляет сомневаться в том, что мы име-

ем дело действительно с одной и той же лексемой, а не с омонимами.

Но, с другой стороны, в качестве сравнения можно привести лексему **зоз**=, имеющую в ряде живых языков значение ‘внезапно испугаться, вздрогнуть’, а в казахском и кыргызском языках (соответственно, в форме **шоша**= [4] и **чочу**= [2]) – также ЛСВ с семантикой ‘вспухнуть (о железах)’.

Кроме того, интерес для сравнения представляет описанная выше лексема **уагю**=, при расхождении по языкам, в большинстве из них имеющая эмотивную семантику отвращения либо ярости, а в туркменском – значения ‘коробиться (о досках и т.п.)’ и (NB!) ‘тучнеть, расплываться, раздаваться (о женщине)’.

Таким образом, не исключена возможность того, что мы все же имеем дело с одной и той же лексемой.

Глагол **adukla**:

Этот глагол зафиксирован у Махмуда Кашгарского в двух вариантах: в форме **adukla**= в значениях ‘быть удивленным, изумленным’ и ‘любопытствовать, интересоваться (неизвестным)’, и в форме **adukla**= - в значении ‘прийти в смятение, всполошиться (от неожиданности)’ [12, 49].

Данный глагол является производным от прилагательного **aduk** [12, 46], истолкованное у Дж. Клосона через ссылку на прилагательное **apduk** в значении ‘чужой, странный, неизвестный’ [12, 80], восходящее к глаголу **ap**= в значении ‘изменяться’ [12, 77].

В современном алтайском языке существует глагол **ајыкта**= в значении ‘оглядывать, осматривать’ и производный от него глагол (исторически – форма возвратного залога) **ајыктан**= ‘оглядываться; остерегаться’.

По приведенным данным сопоставления живых языков с письменными памятниками прошлого можно заметить, что современные

саяно-алтайские тюркские языки в наибольшей степени подверглись влиянию языков, отраженных в уйгурских и караханидских памятниках. При этом следует помнить, что язык последних (хакани) являлся смешанным, состоящим из карлукских и уйгурских элементов. Таким образом, мы приходим к выводу, что из орхонских языков именно древнеуйгурский оказал наибольшее влияние на формирование лексики современных тюркских языков Саяно-Алтая. Второе место занимает язык, отраженный в орхонских памятниках⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. Л., 1979.
2. Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985.
3. Кондратьев В.Г. Об отношении языка памятников орхено-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников // Советская тюркология. 1973. № 3.
4. Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1987.
5. Ойротско-русский словарь.
6. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I–IV. СПб., 1893, 1899, 1905, 1911.
7. Русско-якутский словарь. М., 1968.
8. Тувинско-русский словарь. М., 1968.
9. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
10. Хакасско-русский словарь. М., 1953.
11. Якутско-русский онлайн словарь // www.sakhatyla.ru.
12. G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
13. M. Rasanen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.

Резюме

Көне түркі жазба ескерткіштерінің деректеріне сүйене отырып, қазіргі заманғы Онтүстік Сібір түркі тілдерінің көне түркі тілдерімен лексикологиялық байланыстары қарастырылған. Иллюстрациялық материал ретінде сезім етістіктері лексика-семантикалық тобы алынып отыр.

Summary

This paper is discussing the lexicological relationships between modern South Siberian Turkic languages on the one hand and the ancient Turkic languages on the other. The analysis is based on the data of ancient Turkic written monuments. The lexico-semantical group of emotive verbs is used as an illustrative material.

⁴ Названные два древних языка чрезвычайно близки друг другу (существует даже точка зрения на них как на единый язык [3, 26]).